

Векторы трансформации политической культуры Японии под влиянием глобальной нестабильности

(К русскому переводу главы из книги Иноугути Такаси «Политическая теория»)

С. В. Чугров

Настоящая статья представляет собой расширенное предисловие к публикуемому ниже русскому переводу главы «Политическая культура Японии» из исследования видного японского политического мыслителя Иноугути Такаси «Сэйдзи рирон» («Политическая теория»), выпущенного в 2015 г. издательством «Минерва». Текст японского политолога посвящен комплексному анализу разнообразных факторов формирования политической культуры (историко-географических, духовно-религиозных, политических, социокультурных и т. д.), основополагающих доктрин и концептов, а также особенностей политических систем и режимов, существовавших в Японии на протяжении значимых периодов истории, специфических характеристик ключевых параметров японской политики, конкретных институтов и механизмов ее функционирования в настоящее время. Автор статьи, комментирующей главу, также анализирует само понятие «политическая культура» и его различные интерпретации современными политологами, а также рассматривает аргументацию японского политического философа по поводу различий между западной и незападной политической культурой.

Ключевые слова: Япония, Иноугути Такаси, политическая культура, «Политическая теория», традиции, глобализация, стереотипы, коллективизм.

Что такое «политическая культура»

Прежде чем предложить комментарии к публикуемому тексту видного японского политолога Иноугути Такаси, попытаемся прояснить, что такое «политическая культура», поскольку его видение предмета — лишь часть объемного дискурса. Понятие «политическая культура» остается предметом споров в профессиональной среде политологов, предложивших уже более четырехсот его определений. Немецкий компаративист К. Вельцель в статье «Парадигма политической культуры» полагает, что термин «политическая культура» остается предположением, а не научным понятием¹.

Подобно тому, как культура вообще выступает в виде массы символических программ человеческой деятельности, **политическая культура**, в частности, есть *особый тип ориентации на политическое действие*,

¹ Welzel C. Political Culture Paradigm // Oxford Research Encyclopedia of Politics. URL: <http://politics.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-67> (дата обращения: 22.09.2017).

отражающий как специфику каждой политической системы, так и ценности общества, их философское оправдание и критику².

Термин «политическая культура» впервые появляется в XVIII веке в трудах немецкого философа Иоганна Гердера, и с тех пор метаморфозы интерпретаций политической культуры были связаны с переходом от традиционного общества к современному – обществу модерна. В особенности значимо, что модерн XIX века и начала XX века сконцентрировался на построении на Западе универсалистской гомогенной культуры, недооценивающей разнообразие идентичностей, культурные, религиозные, языковые различия. В этом, считает Иноуги, одна из причин миграционного кризиса в Европе.

Вкус к рефлексии по поводу культуры и культур у политологов появился примерно с первой трети XX века, сперва – у антропологов, которые изучали незападные общества и разнообразие западных культур. Как пишет профессор К. Вельцель, «успех антропологов в изучении культуры привел политологов к мысли, что политическую культуру можно изучать во всех обществах»³. Среди первых, кто начал глубоко изучать культурные паттерны, были американские женщины-антропологи – М. Мид в книге «Достижение совершеннолетия в Самоа» и Р. Бенедикт, давшая, в частности, оригинальный анализ японской ментальности на основе глубинных интервью с японскими военнопленными⁴. Иноуги особо отмечает прорыв, совершенный Г. Лассуэллом в изучении общественного мнения и электоральных процессов, когда тот предложил применить психоаналитические истолкования, чтобы разгадать ролевое поведение индивидов внутри политических институтов⁵. Классикой исследований политической психологии стали труды Э. Фромма, Х. Арендт, Э. Эриксона в сфере индивидуальной и групповой идентичности⁶. Политологи Р. Инглхарт и Х. Клингеманн установили корреляцию (хотя и не изоморфную) между культурой и субъективным ощущением благополучия⁷.

Иноуги выделяет как важную веху в изучении политической культуры выход в 1963 г. в США книги Г. Алмонда и С. Вербы, которые

² Такое определение предлагают авторы статьи в учебнике: Федотова В. Г., Федотова Н. Н. Чугров С. В. Культурологические подходы в политологии // Теоретические основания политики / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной и А. И. Никитина. М.: Аспект Пресс.

³ Welzel C. Op. cit.

⁴ Mead M. Coming of Age in Samoa. N.Y.: William Morrow and Co., 1928; Benedict R. The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture. Boston: Houghton Mifflin, 1946.

⁵ Lasswell H. D. Psychopathology and Politics. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1977. P. 490.

⁶ Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Пер. с англ. М.: АСТ МОСКВА, 2006; Arendt H. What is Freedom // Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought. N.Y., 1993. P. 149; Ericson E. Identity: Youth and Crisis. W.W. Norton & Co. N.Y.-London, 1968.

⁷ Inglehart R., Klingemann H. Genes, Culture, Democracy and Happiness // Culture and Subjective Well-Being. 2000. Cambridge, MA: MIT Press. P. 165-183.

сформулировали различия между видами демократической стабильности в США, Британии, Германии, Италии, Мексике и типами гражданской культуры – «приходской», субъектной и парципитивной, а для последнего типа подробно разработали критерии «культуры участия»⁸. В рамках политологического мейнстрима становится модным изучение «множества культур». Иноуги рассуждает о «множественных способах процветания в Азии». А. Лейпхарт ввел понятие «многосоставные общества», и в предисловии к русскому изданию писал: «Этнические и иные противоречия стали основными источниками конфликтов в мире. Данные перемены совпали с мощной тенденцией демократизации. Это означает, что вопрос о том, как совместить демократию с глубокими внутренними различиями в обществе, стал главным вызовом в сегодняшнем мире»⁹.

Хантингтон и другие

Иноуги не скупится на комплименты американскому политологу С. Хантингтону, который внес важнейший вклад в обоснование взаимосвязи политики и культуры¹⁰. Я остановлюсь на концепции Хантингтона более подробно по двум причинам. Во-первых, он был одним из немногих политологов, вычленяющих Японию как самостоятельную цивилизацию. Во-вторых, некоторые детали этого концепта выкристаллизовались в ходе горячих дискуссий, и мне неоднократно пришлось обсуждать с ним эти сюжеты в течение двух семестров в 1993–1994 гг. – и в рамках публичного диспута в гарвардском Лоуэлл-хаусе, и в его бостонской квартире. Я также испытываю благодарность к Сэму Хантингтону за то, что он отразил наши споры в ссылках на мои работы в книге «Столкновение цивилизаций»¹¹.

Ученый доказал, что в условиях глобальной нестабильности, сопровождающей трансформацию мирового порядка, Запад не способен служить универсальным образцом развития. Отталкиваясь от паттернов неодинакового политического поведения стран, подчиненности их политики и политологического видения собственным им культурным матрицам, он обнаружил не единственность, а множественность культурологических парадигм политологии, избираемых каждой нацией автономно в русле своей культуры. С. Хантингтон предложил несколько

⁸ Almond G. A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1963. p. P. 3-5; Verba S. Democratic participation // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1967. Vol. 373 (2). P. 53–78.

⁹ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспен пресс, 1997. С. 13.

¹⁰ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

¹¹ Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y., 1996. P. 337, ch. 6, notes 19, 23; в русском переводе: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: Издательство АСТ, 2003. С. 554–555, гл. 6, сн. 9, 23).

путей развития, адекватных культурной специфике того или иного общества. Он считал, что «локальная политика является политикой этничности, глобальная политика является политикой цивилизаций»¹², а их конфликт становится преобладающим фактором трансформации мирового порядка в эпоху деструкции прежних «правил игры». Цивилизационная линия – это линия раздела (*fault line*) цивилизаций, которую Хантингтон проводит на географической карте, в Европе – между западнохристианской цивилизацией (прошедшей Ренессанс, Реформацию, Просвещение, испытавшей влияние Великой Французской революции), православно-христианской цивилизацией сербов, русских, украинцев (не прошедшей через эти трансформации) и мусульманами, чья цивилизация начинается на южных границах Европы и простирается вплоть до Китая. Кроме них Хантингтон выделяет японскую, конфуцианскую, индуистскую, буддистскую, латиноамериканскую и, возможно, африканскую цивилизации.

В трактовке Хантингтона трансформация японского общества после Второй мировой войны проходила по следующей схеме: американский оккупационный режим потребовал деконструкции коллективистских структур как «проводников милитаристской идеологии» и дал старт либерализации, которая по сути была направлена на разрушение традиционного общества. Премьер Ёсида Сигэру предложил принципиально иную программу: не ломать традиционные структуры, поскольку они, как оказалось, были способны стать приводными ремнями нового, немилитаристского государства. Иерархия позволяла институтам, устремленным к «вершине» пирамиды, к ее лидерам, без затруднений спуститься вниз. Японское общество изменилось из-за того, что государство сменило свои цели, и провело модернизацию на собственной цивилизационной основе. Не ломая ценностно-смыслового ядра своей политической культуры, японцы смело шагнули в постсовременность, совершив технологическую революцию и проложив путь иным странам Азии.

Несмотря на несомненный успех Японии, ей не удалось избежать кризиса идентичности и политической культуры. С. Хантингтон отмечает, что «японцы испытывали подлинную агонию, решая вопрос, делает ли их место, история и культура Азией, или их богатство, демократия и современность Западом... Кризис национальной идентичности стал глобальным феноменом»¹³. Это написано в 2004 г., но и сегодня очевидно, что культурологический подход к интерпретации политики часто ограничен существующими противоречиями в понимании идентичности и цивилизации.

¹² Ibid. P. 28.

¹³ *Huntington S. P. Who Are We: The Challenges to America's National Identity?* N.Y.: Simon & Schuster, 2004. P. 12–13.

Ф. Фукуяма, ученик, друг и коллега С. Хантингтона, в отличие от своего учителя, полагает, что «культура может объяснить истоки, но никак не стойкость демократии как политической системы. Сэм (Хантингтон. – *прим. автора*) недооценил универсальную притягательность перспективы жить в современном свободном обществе с подотчетным тебе правительством»¹⁴. Но в эпоху глобальной нестабильности мы наблюдаем культурные антагонизмы, которые доказывают правоту Хантингтона (среди них и «арабская весна», и нынешний цивилизационный раскол Украины, и нарастающая словесная перепалка между Пхеньяном и Вашингтоном). Именно различия политических культур препятствуют достижению компромиссов.

Отмечу и такую веху в изучении политической культуры, как выход в 2000 г. книги «Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу» под редакцией Харрисона и Хантингтона. Первая часть заголовка стала нарицательной и крайне популярной в научном обиходе. В разделе этой монографии, посвященном культуре и политическому развитию, Р. Инглхарт на базе сравнительных межстрановых исследований делает вывод, что «скорее культура содействует становлению демократии, а не наоборот»¹⁵. Еще двое авторов книги, С. М. Липсет и Г. С. Ленц, указывают, что специфика культуры позволяет объяснить степень коррупции в странах. При этом, считают они, в основе всякой культуры лежат религиозные ценности. По их мнению, наименее коррумпированы страны с протестантским религиозным бэкграундом, который «располагает к законопослушному поведению»¹⁶.

Подчеркнем, что Иногути Такаси в изучении японских политических реалий исходит из постулата Хантингтона и его последователей о том, что культура, равно как и формирование новых идентичностей, идет навстречу политике в ответ на ее запросы, т. е. культура все более подвергается политизации, а политика становится культурно зависимой.

Иногути – первопроходец бума японской политической философии

О концепциях виднейшего японского политолога Иногути Такаси (猪口 孝) мне уже приходилось писать в ряде изданий¹⁷. Для тех, кто не

¹⁴ Фукуяма Ф. Самюэль Хантингтон, 1927–2008. In memoriam. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Samuel-Hantington-1927-2008>

¹⁵ Инглхарт Р. Культура и демократия // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований. 2002. С. 126, 107.

¹⁶ Липсет С. М., Ленц Г. С. Коррупция, культура и рынки // Культура имеет значение... С. 160.

¹⁷ См.: Чугров С. В. О японской политике и политологии (по страницам трудов Иногути Такаси) // Японские исследования. 2016. № 2. С. 71–81. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/js/js_2016_2_71-81.pdf (дата обращения: 16.09.2017); Он же. Существует ли незападная политоло-

читал или забыл эти публикации, я процитирую письма сэнсэя и напомню некоторые ключевые страницы биографии этого неутомимого и незаурядного ученого.

Иногути Такаси (Иногучи Такаши, Inoguchi Takashi, 猪口孝) родился и вырос в префектуре Ниигата. Завершив магистерское образование в 1966 г. в Токийском университете, докторскую степень по политическим наукам он получил в 1974 г. от Массачусетского технологического института. В 1974–1977 гг. он преподавал в Софийском университете, в 1977–2005 гг. был доцентом, потом профессором Института восточной культуры Токийского университета. В 2005 г. он стал профессором юридического факультета Университета Тюо, с 2009 г. – ректором Ниигатского префектурального университета (新潟県立大学学長). Иногути всегда отличался активной деятельностью в публичных организациях: 1992–1996 гг. – член Комитета по обеспечению мира и безопасности Совета социологических исследований (США), 1995–1997 – старший вице-ректор Университета ООН (国連大学); 1998–2000 – заместитель Генерального секретаря Организации по взаимодействию университетов в АТР (University mobility in Asia and Pacific), 2000–2002 – председатель Японской ассоциации международной политики, с 2001 г. – член Комитета стратегического планирования ООН (под председательством Кофи Аннана), с 2003 – член Японского научного совета, с 2004 – председатель Исполнительного комитета Азиатской ассоциации политических исследований, с 2004 г. – член Международного комитета по изучению мира ЮНЕСКО (под председательством Г. Киссинджера)¹⁸.

Иногути, конечно, не был единственным исследователем, который создал японскую школу политологии. Но он был тем из первопроходцев, кто поднял ее на самостоятельный современный путь развития. По мнению ряда ученых, свидетельствует профессор Университета Канагава Накамаса Масаки, в 2010-х годах «в Японии произошел бум политической философии»¹⁹. Как грибы после дождя появились новые книги, курсы лекций в университетах, вновь вспыхнул интерес к западной постмодернистской мысли, например, к работам Мишеля Фуко по теории власти, Ульриха Бека по обществу риска, Юргена Хабермаса по коммуникативному действию и т. д. Иногути был одним из тех, кто дал импульс политическим наукам в Японии – комплексу политической философии, социологии, истории.

гия? («Политическая теория» Т. Иногути) // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 182–191.

¹⁸ Официальный сайт Ун-та преф. Ниигата. URL: <http://www.unii.ac.jp/> (дата обращения 23.05.2017).

¹⁹ Сэйдзи сисо-но тиз : [Мудрость политической мысли] / ред. и автор пред. Накамаса Масаки. Киото: Хорицу бункася, 2013. С. 2.

Япония считается страной стабильности и низких рисков. Но японцев, по мере того как нарастает глобальная нестабильность, все больше лишает покоя страх перед хаосом и непредсказуемостью: «Популисты, являясь по своей сути чистым продуктом страха, боятся действующих элит; того, что существующий правовой порядок играет против них; боятся Другого и всякого рода различий. Консерваторы боятся “народа” и “нарушения демократических норм и процедур”. Левые боятся правых...»²⁰. Американский аналитик Джон Натан проницательно замечает: «По мере того как сгущались сумрачные настроения, знакомые и насущные вопросы были переформулированы: “Что значит быть японцем? Каковы источники и природа японской уникальности?” Отсутствие удовлетворительных ответов на эти будоражающие вопросы привело к погружению в неопределенность, которую испытывают сегодня японцы в виде ощущения, будто нечто фундаментальное исчезло из их жизни»²¹. Утрачивая комфортное психологическое окружение и столкнувшись с ростом числа разнообразных рисков, японцы ощутили, что происходит деконструкция привычного мира. «Япония была счастливой обладательницей чувства социальной сплоченности, поскольку большинство людей считало, что они находились в одной лодке, гребя примерно с одинаковой скоростью в одном направлении, – пишет политолог Джефф Кингстон. – Сейчас люди лучше осознают, что это миф, и они недовольны тем, что оказались в лодках разного качества, идущих с различной скоростью в разных направлениях»²².

К константным подходам Иногути следует отнести тезис о беспримерных адаптационных способностях японцев и придании заимствованиям автохтонного колорита. Он принимает за аксиому, но оставляя как бы за скобками, точку зрения, что японская цивилизация отпочковалась в эпоху раннего Средневековья от китайской, превратившись в крайнюю, «островную» форму китайской культуры. В VI–VII вв. японцы «ввезли» из Поднебесной ключевые элементы культурной матрицы – иероглифы, конфуцианский нравственный нарратив, каноны буддизма, научные принципы, некоторые направления искусства, церемонии и ритуалы.

«Но ни Запада нет, ни Востока...»

Один из центральных вопросов, к которому Иногути постоянно возвращается: чем принципиально отличается западная социокультурная

²⁰ Дуткевич П., Казаринова Д. Б. Страх как политика // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 14.

²¹ Nathan J. Japan Unbound: A Volatile Nation's Quest for Pride and Purpose. N.Y.: Houghton Mifflin Harcourt, 2004. P. 19.

²² Kingston J. Contemporary Japan: History, Politics and Social Change since the 1980s. Oxford-Chichester: Blackwell Publishing, 2011. P. 20.

традиция от восточной (точнее! – незападной). Мировоззрение самого сэнсэя – это продукт смешения двух культур, так как базовые принципы его ментальности были заложены на родине, а научные взгляды вырабатывались уже в США, где он провел немалую часть жизни.

«Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet». Дискуссия о нетождественности Запада и не-Запада, о том, что «вместе им не сойтись» (или в переводе Е. Полонской – «с места они не сойдут»), началась с поэтического озарения Редьярда Кипплинга. У нас любя цитировать первые две канонические строки, но Иногути, будучи японским интеллектуалом с западным образованием, предпочитает третью и четвертую строки, которые перевертывают смысл наизнанку: «Но ни Запада нет, ни Востока, / нет ни стран, ни границ, ни рас, / Если двое сильных лицом к лицу / встретятся в некий час!». Напомню, у Кипплинга сын британского полковника и афганский конокрад Камал становятся товарищами и побратимами. «Двое сильных» – символический и, полагаю, адекватный посыл для характеристики взаимоотношений пассионарных западной и японской культур.

Японские мыслители всегда видели некую особость и вместе с тем цельность в незападных культурах. Например, вот что пишет об истоках незападной культуры представитель 4-го поколения Киотоской философской школы Уэда Сидзутэру: «Понимание мира и индивида, происходящее в таком месте, как Япония, и достигаемое средствами японского языка, имеет своим истоком не только Японию, но и различные традиции, включая традиции Индии, Центральной Азии, Китая, Корейского полуострова и др., которые заложили основы обширной незападной традиции... Далее, в отдельном месте, таком как Япония, происходит широкомасштабное столкновение и конфронтация между незападной традицией и культурой и продуктами западной цивилизации, которое продолжается более столетия, и накапливается огромный опыт взаимодействия»²³. Дополню эти рассуждения цитатой из «Политической теории» Иногути: «В каком-то смысле японская культура подобна губке, которая, поглощая различные стимулы из внешней среды, сама меняется под их воздействием»²⁴.

Японская цивилизация космоцентрична в отличие от западного антропоцентризма, т. е. у японцев в качестве стержневого ценностного критерия выступает не сама личность, а универсум и единство человека с ним.

Закономерен сиюминутный рационализм и приземленный прагматизм в политическом поведении японцев и, вопреки стереотипным представлениям о «тонкости японской души», отсутствие склонности к

²³ Уэда Сидзутэру. Нихон-но тэцугаку // Нихон-но тэцугаку : [Японская философия]. № 1. 2000. С. 4.

²⁴ Иногути Такаси. Нихон сэйдзи бунка : [Политическая культура Японии] // Иногути Такаси. Сэйдзи рирон : [Политическая теория]. Токио: Минерва, 2015. С. 168.

метафизическим спекулятивным рефлексиям. Для них не может быть навек заданных формул и правил, наоборот, эти формулы и правила трансформируются, подчиняясь контексту. Точно так же японцы демонстрируют виртуозность и гибкость в краткосрочном планировании, но не склонны к составлению продолжительных планов и прогнозов. В области реализации паттернов политической культуры эта сиюминутность обнаруживается в том, что у японских политиков, отдающих предпочтение лавирующему курсу, порой отсутствует внятная стратегическая линия поведения.

Доминирующие паттерны культуры (в том числе политической) в Японии стимулируют тягу к *синтезу*, их целостное, холистическое мировосприятие старается избегать членения на элементы. Эта тяга к холизму восходит к буддизму махаяны, в котором сглажено фундаментальное противоречие между Абсолютом и миром текучих феноменов. Поэтому японцам проще, чем представителям Запада, связать *общее и единичное* (при этом они, естественно, знают, что их отличает, но сглаживают различия). Западная политическая культура базируется, в первую очередь, на *анализе*, в основном на формальной классификации и детерминистской логике. Японский исследовательский нарратив в большей степени ориентирован на нестрогую типологию по множественным, порой разношерстным, признакам и на модальную логическую модель индетерминизма.

«Релятивны», или модальны, контекстуальны и отношения между гражданами и государством, обозначенные Ж.-Ж. Руссо и Дж. Локком метафорой общественного договора. Сейчас, судя по работам Иноуги и его коллег, контактные рамки отношений размыты, его замещает «космос предпочтений граждан», а на уровне мировой политики – «космос желания суверенного государства войти в международные договоры»²⁵.

Японцы, как и прежде, ценят стабильность выше, чем прямолинейность демократических процедур. Отсюда несколько скептическое отношение японцев на уровне микрогрупп к формальным правам человека и стремление перейти «от либеральных образов к коммунитаристским» в рамках «постмодернистской и постгуманистической глобальной биоэтики»²⁶. Трансформируется ранее несокрушимый стеновой хребет «японской системы» – вертикальный принцип социального устройства, на месте иерархического и вертикального социума появляется прототип общества, сформированного на эластичных горизонтальных связях. Однако рабо-

²⁵ Inoguchi T. and Quynh Le L. Th. Toward Modelling a Global Social Contract: Jean-Jacques Rousseau and John Locke. – Japanese Journal of Political Science. Vol. 17. Issue 3. September 2016. P. 489.

²⁶ Сакамото Хякудай. Гуробару байоэссиксу-но косо : [Концепция глобальной биоэтики] // Сэймэй ринри : [Биоэтика] / Ред. Сакамото Хякудай и др. Токио: Хокудзю сюппан, 2005. С. 216, 218.

тают разнонаправленные факторы, воздействующие на алгоритм социальных изменений – отсюда понижение уровня политической стабильности, чехарда премьер-министров, коррупционные скандалы.

Для подтверждения этого дуализма современной политической культуры Японии процитирую А. Д. Богатурова, указавшего на то, что «в рамках единого архетипа возникли две относительно самостоятельные демократии: западная – с фиксированием внимания на защите индивидуума от давления общества и государства и японская (а может быть, шире, восточная) – с акцентом на самоограничение личности. Стремление контролировать ее порывы, встраивать их в систему японской демократии с демократией Запада продуктивно тогда, когда это не ставит изначально японский национальный вариант демократии в неравноправное положение подражательства, служит выявлению специфики японского пути демократического развития»²⁷.

На сегодня у Японии нет принципиальных несоответствий модели западных демократий. Она усвоила принцип сдержек и противовесов, проводит выборы по западным лекалам и, с известными оговорками, может служить эталоном демократизма²⁸. При этом различия сразу же бросаются в глаза, если взглянуть на то, как функционируют эти институты. Так, упорно воспроизводится феномен «наследников» (*сэсю гинин*), т. е. отлаженное преемство поста депутата парламента от отца (деда, тестя и др. родственников) – традиция, восходящая к эпохе Мэйдзи (об этой особенности японской системы сэнсэй говорит с некоторой иронией, сам будучи мужем депутата от ЛДП, которая буквально разрывается между семейным очагом и префектурой Тиба, от которой она избрана в палату представителей парламента).

Для «народных избранников» правила игры жесткие: «Чтобы одержать победу на выборах, кандидат в депутаты должен иметь в своем распоряжении три вещи: *дзибан*, *камбан* и *кабан*, означающие в дословном переводе с японского соответственно “вотчину” (избирательный округ с устойчивым организационным механизмом сбора голосов), “вывеску” (т. е. известность в округе) и “портфель” (имеется в виду чемодан, набитый пачками денег)»²⁹.

Спору нет, патернализм, семейственность и nepотизм присущи и западным культурам, но в Японии выстраивание отношений на межличностной, персоналистской основе как бы освящено традициями и игра-

²⁷ Демократия в Японии: опыт и уроки («Круглый стол» советских востоковедов) / под ред. К. О. Саркисова. М.: Наука. Восточная литература, 1991. С. 21.

²⁸ Чугров С. В. Россия и Япония: о некоторых параллелях в политической культуре // Запад и западные ценности в российском общественном сознании. М.: ИМЭМО РАН, 2002. С. 112–123.

²⁹ Политическая система современной Японии / под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 165, 272–273.

ют куда более важную роль, нежели на Западе. Так обычаи продолжают кроить постмодернистский пейзаж Страны восходящего солнца.

Лейтмотивом в сочинениях и письмах Иногути звучит мысль о том, что Запад к концу XX века исчерпал свой ресурс³⁰ и центр тяжести интеллектуальной активности постепенно смещается на Восток. Сопоставляя траектории развития западной и незападной мысли, Иногути замечает, что познание внешнего мира в незападном мире по-прежнему связано с познанием своего внутреннего мира. Одна из цитат представляется особенно интересной: «Еще один пункт, на который я хочу обратить внимание, – подчеркивает Иногути, – это различие между авраамической и дхармической традициями. Первая из них подчеркивает ориентацию на стандартизацию и унификацию различий, тогда как последняя подчеркивает ориентацию на всеохватывающее разнообразие и уважение к различиям. Первая из них теснейшим образом связана с иудаизмом, христианством и исламом, тогда как вторая тесно сопрягается с буддизмом, индуизмом, даосизмом и синтоизмом. Это отличие часто забывают, но оно важно для политического дискурса... Отсюда мой ответ на вопрос: нет ни западной политологии, ни незападной, а есть политология, которая сопрягает и уравнивает две традиции – *авраамическую и дхармическую* (выделено Т. Иногути)»³¹. Как у Киплинга: «But there is neither East nor West...».

В чем вклад Иногути в изучение японской политической культуры

Принципиальная новизна «Политической теории» Иногути в том, что он деликатно, но бесповоротно развенчивает некоторые стереотипы о японской политической культуре. Например, в нашем сознании закреплён и воспроизводился (в том числе и автором этих строк) тезис о том, что в японском социокультурном коде безраздельно доминирует принцип доверия. Судя по результатам опросов общественного мнения, на которые ссылается Иногути, это суждение верно для межличностного общения. С доверием институтам дело обстоит не так: «Самым низким уровнем доверия у японцев пользуются демократические институты – политические партии и законодательные органы»³², – отмечает политолог.

Столь же натянуто стереотипное суждение о привязанности японцев к коллективистским паттернам мышления и поведения. На протяжении почти сорока лет, начиная с подготовки кандидатской диссертации, я упорно писал, что группизм представляет собой константную и самую

³⁰ Чугров С. В. Существует ли незападная политология? («Политическая теория» Т. Иногути) // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 182–191.

³¹ Электронный архив автора. Письмо Иногути Такаси. 26.04.2016.

³² Иногути Такаси. Нихон сэйдзи бунка... С. 174.

интенсивную характеристику японской политики, сложившуюся на протяжении веков на заре японского протогосударства, ее культурную доминанту³³. В общих чертах это, конечно, не противоречит действительности. В равной степени верно и то, что группизм и индивидуализм гармонично сосуществовали на всем протяжении долгой истории страны. Иногути приводит тому убедительные примеры. «Предпочтение старых социально-экономических сетей и ценностей коллективизма и авторитаризма все еще играет важную роль, – подчеркивает сэнсэй Иногути, – однако постепенно предпочтения меняются»³⁴. Крайне интересно ознакомиться с мыслями автора «Политической теории» о чередовании эпох, когда поочередно доминировали то исключительно группистские ценности, то идеалы крайнего индивидуализма. Сэнсэй фиксирует наше внимание на том, что, например, «период Средневековья и эпоха “сражающихся княжеств” были временем индивидуализма, когда для самурая важнее всего было такое качество, как личная честь, достоинство», а «для представителей искусств Киото в высшей степени была значима галантность» – такой тип психологической и культурной ориентации, который основан «на выражении индивидуальных усилий автора»³⁵. Отрицая преобладание мускулинного типа гендерных отношений в традиционном японском обществе, Иногути приводит непривычный для нас факт, что «в те времена развод был обычной практикой и часто инициировался женщинами»³⁶.

Ни малейшего намека на коллективизм Иногути не видит в протестной экзальтации монаха Иккю Содзюн (1394–1481), отмечая, что вопреки тому, что мы привыкли считать суровыми канонами эпохи Муромати, «многие из его стихотворений посвящены любви к монахине»³⁷. Тут мимолетную характеристику, которую дает Иногути этому монаху-бунтарю следует ради справедливости капитально дополнить: Иккю Содзюн, в творчестве которого действительно переплетались «разгульный дзэн», «рафинированная ученость и веселое трюкачество», проповедовал «спасение в миру», возможность достичь просветления среди прожигания жизни, «недуальность сакрального профанного, духовного и телесного»³⁸.

³³ Согласно определению «Русско-английского словаря социологических терминов» под ред. С. А. Кравченко «Доминанта культурная – *dominant, cultural* – по Ф. Джеймисону – “силовое поле”, в котором функционируют “совершенно различные виды культурных импульсов”, при очевидном доминировании собственно постмодернистской культуры. – Литература: Jameson, F. *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham, NC: Duke University Press, 1991».

³⁴ Иногути Такаси. Нихон сэйдзи бунка... С. 165.

³⁵ Там же. С. 168.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Штейнер Е. С. Иккю Содзюн. М.: Восточная литература, 1987. С. 140, 94.

Крайне любопытны и убедительны рассуждения Иногути о том, что – в иной плоскости, но по сути – индивидуализм утверждали в своем творчестве в разные периоды истории Японии Тикамацу Мондзаэмон, Нацумэ Сосэки и Мураками Харуки...

Бессмысленно пытаться написать исчерпывающий очерк смены представлений по политической культуре – об этом написаны тысячи книг. Еще более бессмысленно пересказывать содержание того, что пишет Иногути. Эти заметки на полях книги – лишь скромная попытка обратить внимание читателя на множественность трактовок политической культуры. Концепция сэнсэя Иногути – только одна из множества трактовок. Но весьма интересная и, главное, полезная для японоведов, поскольку развенчивает многие наши стереотипные суждения и упрямые мифы о японском национальном сознании (а мифология и истина, как мы знаем, несовместимы, хотя мифология чаще, чем истина, используется политиками «в национальных интересах»). Чтобы оценить всю сложность и калейдоскопичность политической теории (или политических теорий), видимо, надо прочитать всю книгу, а заодно и последние работы Иногути, которые появились после ее выхода³⁹.

³⁹ *Inoguchi T.* Exit, Voice and Loyalty in Asia: Individual Choice under 32 Asian Societal Umbrellas. Singapore: Springer, 2017; *Inoguchi T.* An Evidence-Based Typology of Asian Societies: What Do Asian Societies Look Like from the Bottom Up instead of Top Down? // *Japanese Journal of Political Science*. 2017/3. Vol. 18. No.1. P. 216-234; *Trust with Asian Characteristics: Interpersonal and Institutional* / Ed. by Takashi Inoguchi and Yasuhara Tokuda. Singapore: Springer, 2017; *The History of Well-Being in East Asia: From Global Conflict to Global Leadership* / Ed. by Takashi Inoguchi and Richard J. Estes. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.